

**Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН**

**Балтийский
федеральный университет
имени Иммануила Канта**

**Российская
ассоциация
исследователей
женской истории**

Российский национальный комитет
Международной федерации исследователей женской истории

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Материалы XII международной научной конференции
Российской ассоциации исследователей женской истории
и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

10–13 октября 2019 года, Калининград

В двух частях

Часть 1

Москва
Калининград
2019

УДК 396
ББК 60+63
Ж561

Рецензент

Н. А. Шведова, д-р ист. наук (Институт США и Канады РАН)

Публикуется по решению Ученого совета ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая» РАН.

Ж561 Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII международной научной конференции : в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, И. О. Деметьев, М. Г. Шендерюк. — М. : ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН ; Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 1. — 522 с.

ISBN 978-5-9971-0552-5 (Ч. 1)

ISBN 978-5-9971-0551-8

Публикуются материалы XII международной научной конференции «Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего», проводимой РАИЖИ (Российской ассоциацией исследователей женской истории), Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Балтийским федеральным университетом им. И. Канта в Калининграде. Очередная научная встреча посвящена исследованию гендерных аспектов миграционных процессов в российской и мировой истории, а также гендерному подходу к современным проблемам миграций.

В первой части сборника представлены доклады историков, социологов и других исследователей, анализирующих феномен внутренних миграций в России на разных исторических этапах вплоть до современности, проблемы социокультурной адаптации женщин и мужчин в условиях инокультурного окружения.

УДК 396
ББК 60+63

ISBN 978-5-9971-0552-5 (Ч. 1)
ISBN 978-5-9971-0551-8

© ИЭА РАН, 2019
© БФУ им. И. Канта, 2019

ные отношения между переселенцами и местными [1]. Здесь большое значение имела общая религия — ислам. Это создавало благоприятные условия для адаптации переселенцев и дружественных отношений с местным населением. В частности, крымские татарки соблюдали традиции узбекской махалли, складывались добрососедские отношения, взаимоуважение друг к другу, которые нередко приводили к межнациональным бракам между узбеками и крымскими татарками. Несмотря на последствия насильственного переселения, крымские татарки смогли успешно адаптироваться в новых социально-экономических условиях, многие сохранили свою крымско-татарскую культуру.

Список источников и литературы

1. *Аккиева С.И., Самтиев И.М.* Депортации народов Северного Кавказа в 1940-е годы как фактор диаспоризации и модернизации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://science-education.ru/article/view?id=11581> (дата обращения: 28.04.2019).
2. *Государственный архив Российской Федерации.* Ф. Р-9479.
3. *Земсков В.Н.* Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
4. *Куртсеитов Р.Д.* Крымские татары в условиях спецпоселений в Марийской АССР в 1944–1956 гг. Долгий путь возвращения на родину в Крым // West — East. 2015. № 8. С. 65–75.
5. *Хаяли Р.И.* Очерки истории общественно-политической и культурной жизни крымских татар в XX веке. Симферополь, 2018.

Л.А. Явнова

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск

Вынужденные «беженки», «депортированные» и местное население Алтая в XX веке: проблема взаимоотношений

Массовое беженское движение из западных прифронтовых районов Российской империи на восток в августе — декабре 1915 г., стало беспрецедентным по своим масштабам явлением в истории [1, с. 39]. В годы Первой мировой войны на Алтай стали прибывать

беженцы из западных губерний России — немцы, евреи, поляки, латыши, украинцы. В то же время по источникам достаточно сложно разделить категории беженцев / беженок и переселенных в принудительном порядке.

Заявления беженцев о своем положении — один из источников, информирующий об их стесненном положении. Так, в заявлении по Алтайской губернии Барнаульского уезда Шипуновской волости с. Шипуново говорится, что положение «беженок», пострадавших от Германской войны очень тяжелое из-за отсутствия жилья [3, ф. Р-9, оп. 1, д. 255, л. 61]. Архивные свидетельства отражают государственные практики решения вопроса о возвращении на родину уже в 1920-е г. [Там же, л. 88].

Другой трагической вехой XX в. для многих народов СССР стала депортация. С началом Второй мировой войны депортации приняли массовый и непрерывный характер. В Алтайский край прибыли 33 эшелона, которые доставили в край 80454 переселенца [2, с. 23].

Источниками для исследования явились различные по характеру и содержанию материалы. Наиболее многочисленную и значимую группу образовали материалы этнографического исследования, проведенного автором среди немцев Поволжья, депортированных в 1941 г. в Алтайский край. В ходе интервьюирования фиксировались воспоминания немцев, русских и литовцев о депортации. В устных источниках драматизм переживаемых событий наиболее ощутим. Так, Мария Петровна Греф (Кесслер), пересказывала воспоминания своей матери Маргариты Петровны: «...в телячьих вагонах везли, поезд шел очень медленно, на каждой станции останавливался иногда по несколько часов. Вот так нас везли, ни воды, ниче. Долго по времени, очень долго. Уехали в сентябре, приехали в октябре. Немцев за людей не считали, сдохнут, значит, сдохнут, за че... в пути прям помирали» [7]. Эльвира Викторовна Бартули (Шторк) вспоминала: «... мама Мария Яковлевна чуть от голода не умерла, опухла от голода, крошки с ладошки подбирала. В 1941 г. приехали в Тогульский район, бабушка и мама работали на Льнозаводе, в январе 1943 г. забрали в Трудармию, где маму спас Вознюк Семен, и она вышла за него замуж...» [6]. В.В. Шеленайте вспоминает: «...в 1941 году из Северной Литвы нашу семью забрали и привезли в Алтайский край в лесхоз Высокая Грива, на лесозаготовки, жили в длинных не отопленных бараках, спали втроем на одной кровати. Ходили по деревне меняли белье» [10].

Основной этап депортации из Прибалтики начался 14 июня 1941 г. В Ойротию прибыло около 2 000 человек, в основном литовцы, поляки, выходцы из западных областей Белоруссии и Украины. В Алтайском крае было расселено 10 016 осадников и беженцев [4]. Переселенцы в горных районах Ойротии вынуждены были селиться «в чистом поле», в землянках, которые необходимо было вырыть до холодов [9]. Подселяли депортированных и в семьи местных жителей. Столкновение культур, жизненных укладов пришлого и местного населения на первоначальном этапе наблюдалось повсеместно. Это выражалось в обоюдном недоверии, злобных насмешках со стороны коренных жителей.

Были трудности с предметами первой необходимости, и приехавшие обменивали привезенные вещи на продукты. Х.Ф. Алферова (Майер) рассказывала, что ее мать на станции обменяла свой пуховый платок на булку хлеба, чтобы прокормить детей. Л.И. Шувалова (Вольф) вспоминает, что за новый ковер можно было получить два ведра картофеля. В ход шло всё: серебряные ложки, подушки... многие немки взяли с собой много красивых нарядов. Это помогло им выжить. Одно платье семья Фишер обменивала на ведро картофеля, или на молоко и другие продукты питания». Первую зиму прожили без теплой одежды. Мужчины ходили в пиджаках и калошах, дети сидели дома. Позже мать стала шить бурки на швейной машине» [5].

Отношения немцев с местным населением складывались на протяжении всех военных лет противоречиво. Первой реакцией на приезд нежданных переселенцев была настороженность, а часто и враждебность. По воспоминаниям местных жителей, «называли и “немчурой проклятой”, и камнями бросали, и третий глаз пытались найти». Немало было случаев, когда местные жители оказывали помощь немцам, делились одеждой, жильем, продуктами [8]. Упоминали о том, что «местные жители давали старую одежду, а тем, кто работал на лесоповале, выдавали фуфайки и ватные штаны» (Э.И. Чернова) [5]. Л.И. Шувалова (Вольф) рассказывает: «Все шло своим чередом. Все равно жизнь налаживалась. Люди относились доброжелательно, помогали, чем могли. И соседи, в свою очередь, тоже не отказывали в помощи, часто обменивались... как мы жарили кожуру от картофеля, которую нам просовывала через щели в ограде соседская девочка из зажиточной семьи втайне от родителей. Быстро установились отношения у молодежи, вместе ходили в клуб, влюб-

лялись, создавали смешанные семьи [5]. Сохранились воспоминания жителей Ябогана из Горного Алтая, о живших здесь в 40–50-х гг. ссыльных литовцах, и воспоминания эти теплые и благодарные. «Переселенки» прививали местному населению новые для них навыки в гигиене, кройке и шитье, кулинарии и др. [9].

Таким образом, респонденты рисовали традиционный для подобных рассказов набор практик выживания, которые по отношению к власти могли быть определены как стратегии выживания (при которых человеку оставалось полагаться только на собственные силы, выносливость, умение экономить). Вынужденное переселение и депортация вызвала тяжелые демографические и этнокультурные утраты, в то же время для многих национальностей это событие существенным образом повлияло на самосознание людей, на восприятие своих и чужих через жесткие границы этничности, укрепляла групповую солидарность. Интервью депортированных женщин отразили пересечение в сознании рассказчиц черт индивидуальной и коллективной исторической памяти, активно идущие на протяжении последних десятилетий. Память о социальных «трагедиях» XX в. поддерживается и создает историю, способную мобилизовать чувства людей.

Список источников и литературы

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914–1925 гг. М., 2014.
2. *Выселить* с треском. Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев : сб. науч. ст. и воспоминаний. М., 2011.
3. Государственный архив Алтайского края.
4. *Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.)*. URL: <http://old.memo.ru/history/nem/chapter20.htm> (дата обращения: 14.03.2016).
5. *Материалы* Лаборатории этнокультурных исследований 2014 г. с. Поспелиха, Поспелихинский район, Алтайский край, записано от Алферовой (Майер) Христины Андреевны, 1927 г. р.; от Черновой Эльзы Игоревны, 1927 г. р.; от Шуваловой (Вольф) Лидии Яковлевны, 1927 г. р.
6. *Полевые материалы* автора (ПМА) 2006 г., п. Льнозавод, Тогульский район, Алтайский край, записано от Эльвиры Викторовна Бартули (Шторк), 1938 г. р.
7. *Полевые материалы* автора (ПМА) 2007 г., с. Дмитро-Титово, Кытмановский район, Алтайский край, записано от Марии Петровны Греф (Кесслер), 1945 г. р.

8. *Полевые материалы автора (ПМА) 2007 г., с. Кытманово, Кытмановский район, Алтайский край, записано от Капитолины Никитичны Мачулиной, 1929 г. р.*

9. *Полевые материалы автора (ПМА) 2016 г., г. Барнаул, Алтайский край. Из личного архива Ирины Валентиновны Коричко, руководительницы АКОО «Общество литовской культуры».*

10. *Полевые материалы автора (ПМА) 2016 г., г. Барнаул, Алтайский край, записано от Шеленайте Валентины Каземировны, 1921 г. р.*

Т.К. Щеглова

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул*

**Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация
в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов
(по полевым материалам)**

XX столетие для населения России отличалось насыщенностью событий (революции, войны и др.) и кардинальных перемен (коллективизация, социалистическая модернизация и др.), сопровождавшихся массовыми миграциями и переселениями. В зависимости от характера событий эти миграции делятся на добровольные (из села в город в ходе индустриализации и урбанизации), вынужденные (эвакуации в годы войны, миграции из постсоветских республик в 1990-е гг.), добровольно-принудительные (переселения в ходе ликвидации населенных пунктов при строительстве ГЭС или ликвидации неперспективных сел), насильственно-принудительные (высылки, ссылки, депортации, спецпереселения). Они различаются условиями и способами адаптации.

Женскую акцентуацию принудительных миграций усиливал их семейный характер. Это, с одной стороны, создавало трудности для жизнедеятельности самой женщины, с другой — предполагало создание системы жизнеобеспечения всей семьи. Женскую историю в контексте миграций можно рассматривать с двух позиций — «антропологии советскости» и «антропологии экстремальности». В антропологии советскости на первый план выходят социально-психологические адаптации в процессе реализации проекта социального переустройства советского общества — например, адаптации

<i>Быков А.С.</i> Гендерные аспекты миграции во время Гражданской войны в России: историко-социологический анализ	321
<i>Ларионова М.Б.</i> Гражданская война и судьба провинциальной дворянки: Екатеринбург — Омск — Иркутск — Харбин	324
<i>Сабенникова И.В.</i> Специфика правового положения русских <i>émigrés</i> и вопросы предоставления гражданства в странах межвоенной Европы.....	327
<i>Наземцева Е.Н.</i> Специфика и проблемы правового положения русских женщин в эмиграции в Китае 1920–1930-х годов	331
<i>Овчарова М.А.</i> Положение мордовской женщины при переселении в регионы Западной Сибири в 1920–1930-е годы	334
<i>Абдалиева Г.К.</i> Гендерные аспекты формирования памяти (на примере вынужденной миграции кыргызов в Китай)	337
<i>Рахманкулова А.Х.</i> Насильственное переселение народов в 1930–1940-е годы: особенности социокультурной адаптации женщин переселенцев в Узбекистане	340
<i>Явнова Л.А.</i> Вынужденные «беженки», «депортированные» и местное население Алтая в XX веке: проблема взаимоотношений	343
<i>Щеглова Т.К.</i> Антропология экстремальности: женская социокультурная адаптация в контексте принудительных и вынужденных миграций 1939–1949 годов (по полевым материалам).....	347
<i>Каримов О.В., Калинов В.В.</i> Разведывательная деятельность Анны Клаузен	351
<i>Болокина Л.А.</i> Адаптация женщин Калининской области, эвакуированных из прифронтовой полосы в 1942 году, к новой повседневности	355
<i>Волкова Е.Ю.</i> Причины вынужденной миграции женщин и детей в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям очевидцев)	358
<i>Хисамутдинова Р.Р.</i> Женские способности к аккультурации и адаптации в миграционных процессах в годы Великой Отечественной войны ..	362
<i>Жаркынбаева Р.С.</i> Гендерные аспекты эвакуации в Казахстан в 1941–1943 годах	365
<i>Кабирова А.Ш.</i> Женщины в условиях эвакуации в годы Великой Отечественной войны: особенности социальной и бытовой адаптации (на материалах Татарской АССР)	370
<i>Пивоварова Л.Н.</i> «Страна любимая не улыбается, едет в Германию наш эшелон» (из воспоминаний остарбайтеров).....	373
<i>Рождественская Е.Ю.</i> Женская память о войне: биографические траектории остарбайтерок	377
<i>Попов А.В.</i> Судьбы остарбайтеров и жизнь на принудительных работах в Германии: особенности женской повседневности	381
<i>Образцова Е.В.</i> Ресоциализация бывших работниц нацистского принудительного труда после возвращения в СССР	384